

**МИГРАНТЫ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Ключевые слова: преступление, преступность, виктимность, мигранты, торговля людьми, контрабанда.

Актуализируется проблема предупреждения преступности в отношении мигрантов. Обоснована актуальность вопросов, связанных с профилактикой преступлений в отношении мигрантов как основным фактором предупреждения преступности в целом.

Актуальность темы вызвана тем, что в современных условиях отношение к мигрантам в соответствии с нормами международного права одинаково амбивалентно. Мигранты подвергаются многочисленным рискам виктимизации, и многие из них страдают от виктимизации – иногда, неоднократно и даже систематически. Такие риски виктимизации могут быть классифицированы вместе с их индивидуальной биографией эмиграции и иммиграции. Два основных вида преступных деяний, представляющих интерес для уголовной политики, – торговля людьми и контрабанда людей, рассматриваются в двух поправочных протоколах к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Палермская конвенция): Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху. В последнем документе мигранты воспринимаются как правонарушители, а не как жертвы, особенно при квалификации контрабанды. Это обосновывается тем, что мигранты представляют спрос на услуги контрабанды, и именно этот спрос считается основным стимулом для этой отрасли организованной преступности, в том числе и транснациональной.

Однако текущая правовая ситуация – и международно-правовая база, и законодательные положения, применяемые в основных юрисдикциях, – не отражает виктимологическую реальность миграции. Различие между торговлей людьми и контрабандой (незаконным ввозом) людей создает значительный разрыв в обращении с жертвами. То же самое верно в отношении общественных, политических и научных дискуссий, которые, как правило, пренебрегают реальностью миграции, которая характеризуется тем фактом, что не только жертвы торговли людьми, но и мигранты в целом явно уязвимы и подвергаются множеству рисков виктимизации.

Проблема предупреждения преступности в отношении мигрантов заключается в том, что вряд ли можно оправдать политически мотивированное разделение на две группы жертв преступных деяний (торговли людьми и незаконного ввоза мигрантов) с целью двух различных стандартов защиты, особенно в свете огромных рисков виктимизации, которым подвергаются все мигранты.

Миграция – это перемещение людей по различным причинам через границы тех или иных государств в целях временного или постоянного изменения места жительства. Мигранты представляют собой группу лиц, которая сильно подвержена виктимизации от преступлений прежде всего на почве ненависти и законодательной незащищенности. «Кризис беженцев» в Европе

затрагивает фундаментальные вопросы международного права, уголовной политики, криминологии и виктимологии. Социальное восприятие и общественное мнение о торговле людьми, контрабанде людей и социально-правовом положении мигрантов в целом находятся в состоянии постоянного изменения, и не всегда в положительную сторону. Социальное восприятие и общественное мнение находятся под влиянием негативного изображения мигрантов в СМИ и зависят от общего социально-политического климата в обществе [1. С. 102]. Политические, общественные и даже академические дебаты часто являются довольно поляризационными событиями, которые характеризуются стереотипными аргументами и часто представляют мигрантов отнюдь не с лучшей стороны. В ходе таких дискуссий различные преступные явления, такие как торговля людьми, незаконное перемещение людей через государственную границу, принудительное использование мигрантов в качестве перевозчиков запрещенных к вывозу в страну предметов, часто перемешиваются до такого состояния, что различия между составами преступлений, которые инкриминируются мигрантам, делаются совершенно размытыми [3. С. 10].

Современное отношение к мигрантам в соответствии с нормами международного права одинаково амбивалентно. Два основных вида преступных деяний, представляющих интерес для уголовной политики – торговля людьми и контрабанда людей – рассматриваются в двух поправочных протоколах к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Палермская конвенция): Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху¹. В последнем документе мигранты воспринимаются как правонарушители, а не как жертвы, особенно при квалификации контрабанды. Это обосновывается тем, что мигранты представляют спрос на услуги контрабанды и именно этот спрос считается основным стимулом для этой отрасли организованной преступности, в том числе и транснациональной.

Этот подход отражен в структуре соответствующих национальных преступлений, в которых мигранты фигурируют как соучастники. Кроме того, во многих юрисдикциях принята концепция, согласно которой незаконный въезд является основным преступлением, тогда как контрабанда людей юридически определяется как помощь – пособничество и подстрекательство – к преступлению мигрантов. Эта концепция прослеживается даже в уголовных кодексах тех государств, в которых вспомогательная часть составов преступлений со временем была превращена в основное преступление [7. С. 65].

Однако текущая правовая ситуация – и международно-правовая база, и законодательные положения, применяемые в основных юрисдикциях, –

¹ Конвенция против транснациональной организованной преступности: принята в г. Нью-Йорк 15.11.2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000 г.) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/55/25>.

не отражает виктимологическую реальность миграции. Различие между торговлей людьми и контрабандой (незаконным ввозом) людей создает значительный разрыв в обращении с жертвами. То же самое верно в отношении общественных, политических и научных дискуссий, которые, как правило, пренебрегают реальностью миграции, которая характеризуется тем фактом, что не только жертвы торговли людьми, но и мигранты в целом явно уязвимы и подвергаются множеству рисков виктимизации.

Современная виктимология различает несколько определений понятия «жертва» [2. С. 19]. Подлинные виктимологические определения термина «жертва» шире, чем определения специальной криминальной виктимизации, которые содержатся в уголовных кодексах. Некриминальная виктимизация включает такие категории, как нарушения прав человека, дискриминация и другие формы систематической несправедливости, а также жертв от злоупотребления властью.

Очень распространенное определение жертвы как человека, пострадавшего или погибшего от чего-либо, основано на различных аспектах виктимизации.

Первичная виктимизация относится к материальному и/или физическому и/или психологическому (эмоциональному) вреду, причиненному непосредственным виктимизирующим событием (преступлением), которое может быть единичным (одноразовым) или повторным (повторная виктимизация, серийная или многократная повторная виктимизации).

Вторичная виктимизация направлена на повторную травму и консолидацию первичных убытков и их последствий, которые могут быть усилены через родственников и/или социальную среду, через различные случаи социального контроля (полиция, система уголовного правосудия) или через средства массовой информации.

Третичная виктимизация направлена на устранение отдаленных последствий первичной и вторичной виктимизации.

Жертва может быть далее классифицирована в зависимости от степени вовлеченности.

Помимо прямых жертв другие лица могут быть затронуты как так называемые косвенные жертвы. Члены семьи прямой жертвы часто попадают в эту группу; действительно, чтобы продемонстрировать значимость членов семьи как косвенных жертв, известный немецкий виктимолог Ханс-Йоахим Шнайдер [5. С. 98] ввел термин «совместные жертвы». Сильно пострадавшие косвенные жертвы, безусловно, являются лицами, которые потеряли члена семьи в результате смертельной виктимизации. Вполне вероятно, что большинство утонувших мигрантов, потерпевших кораблекрушение в Средиземном море из-за переполнения судов, вызванных прибылью, стали жертвами семей, которые не получают ни адекватной поддержки жертв, ни общественного внимания. После массовой виктимизации в Руанде, бывшей Югославии и других регионах было признано дополнительное различие между индивидуальными и коллективными жертвами. Христиане, эмигрирующие из Сирии, или езиды из Ирака и Сирии – это всего лишь два недавних приме-

ра, которые получили некоторое международное внимание. И, наконец, субъективное восприятие является важным фактором жертвы: в зависимости от конкретных обстоятельств фактического виктимизирующего события субъективные чувства могут восприниматься совершенно иначе, чем объективный инцидент.

Мигранты подвергаются многочисленным рискам виктимизации, и многие из них страдают от нее: иногда, неоднократно и даже систематически. Такие риски виктимизации могут быть классифицированы вместе с их индивидуальной биографией эмиграции и иммиграции.

До эмиграции прямая или косвенная виктимизация в стране происхождения или в месте происхождения может быть важной движущей силой для индивидуального решения покинуть страну, в одиночку или вместе с семьей или ее частями. Дальнейшие риски могут возникнуть при подготовке их путешествия.

На этапе миграции беженцам чаще всего угрожают различные прямые или косвенные ситуации виктимизации в странах транзита; особые риски возникают в связи с пограничными переводами.

Воздействие прямой или косвенной виктимизации часто продолжает происходить после прибытия беженцев в место назначения.

Условия жизни, отмеченные повторным или многократным опытом жертвы, являются важными факторами, определяющими решение о миграции; в литературе они упоминаются как значительный фактор толчка. В настоящее время войны являются главным основанием для бегства мигрантов из своих стран. Другие угрозы, такие как убийства родственников или соседей, перемещение, политическое угнетение, постоянная этническая или религиозная дискриминация, также не менее способны травмировать. Техногенные и экологические катастрофы, потеря основных жизненных ресурсов (экономических, социальных, медицинских и т.д.), повсеместная коррупция или неустроенные экономические или социальные условия жизни могут также достаточно негативно сказываться на жизни мигрантов. В соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, отчаянные условия жизни могут рассматриваться как виктимологически значимые [4. С. 70].

Виктимизация на этапе транзита имеет свои особенности. Во время транзита мигранты подвержены различным рискам виктимизации и чрезвычайно уязвимы из-за потери их социальных связей и ситуативного сокращения их индивидуальных ресурсов для самообороны. Лишение свободы, нападение, агрессия и насилие со стороны полиции и сил пограничного контроля распространены так же, как коррупция и произвольное обращение со стороны агентов государственной службы, в частности сотрудников полиции, пограничного контроля и иммиграционных служб, а также военнослужащих или военизированных сил, или как угроза со стороны ИГИЛ и других террористических групп в настоящее время в некоторых регионах на Ближнем Востоке. Дополнительные риски виктимизации, с которыми сталкиваются беженцы, включают

мошенничество, преследование, вымогательство со стороны контрабандистов или торговцев людьми, кражу, грабеж, нападение и даже убийства на территории транзитного региона, а также кражу, грабеж, нападения и убийства со стороны других мигрантов.

Особые риски существуют в контексте пограничных переводов, когда беженцы не имеют некоторых или всех необходимых документов или переводных документов. Первым неизбежным источником угрозы в таких обстоятельствах являются системно-структурные риски, возникающие из-за необходимости преодолевать естественные барьеры. Эти угрозы стали наиболее распространенными в нынешнем кризисе беженцев и привели к тому, что тысячи жертв утонули в Средиземном море. Дальнейшие риски возникают из-за технических систем пограничного контроля; это могут быть системы охранной сигнализации, заборы, ограждения с колючей проволокой, минами или аналогичными смертоносными сооружениями. Наконец, опасности могут возникнуть в результате межличностного взаимодействия или конфронтации в контексте так называемых контрольных встреч, связанных с использованием против мигрантов оружия или физического насилия (включая укусы полицейских собак).

Довольно существенны риски виктимизации в пункте прибытия, где уязвимость сохраняется. Риск виктимизации выше для иммигрантов, чем для местного населения. Факторы риска включают утрату культурной среды, отсутствие или разрыв социальных связей, недостаточную интеграцию в новое общество, низкое доверие к государственным институтам и – особенно для нелегальных иммигрантов – страх быть обнаруженными. Мигранты нередко сталкиваются с дискриминацией, ксенофобией, преступлениями на почве ненависти и агрессией со стороны граждан принимающей страны. Межгрупповое и внутригрупповое давление распространено так же, как и виктимизация от преступлений против собственности и насильственных преступлений, включая сексуальные домогательства и эксплуатацию в лагерях и массовых жилищах. Исключение из обычного рынка труда может увеличить подверженность и вовлеченность в торговлю людьми или другую преступную деятельность. Недружественное обращение в повседневной жизни и криминализация, связанная с их статусом, могут еще больше повысить восприятие несправедливого обращения и способствовать сохранению симптомов стресса или стрессового расстройства в результате предшествующей виктимизации и травмирования [6. С. 13].

Особо выделяются конкретные риски виктимизации в сфере торговли людьми. Жертвы торговли людьми находятся в несколько иной ситуации, чем мигранты. С одной стороны, они могут иметь меньший риск во время транзита, потому что торговцы людьми часто заинтересованы сохранить контроль и защитить «своих» жертв, чтобы убедиться, что они достигают страны назначения в относительно хорошем физическом состоянии. Таким образом, в целом жертвы торговли людьми могут путешествовать безопаснее, чем мигранты, которые отдают свои жизни в руки безрассудных контрабандистов. С другой стороны, эти жертвы подвергаются систематической виктимизации после прибытия в пункт назначения.

Помимо своей «основной» виктимизации при сексуальной или трудовой эксплуатации они страдают от запугивания, принуждения, похищения, угроз, применения силы, обмана, мошенничества и т.д. Дополнительным компонентом является повышенная угроза косвенной виктимизации в случаях, когда члены семьи или друзья в родной стране жертвы становятся объектом запугивания или вымогательства.

Все группы мигрантов уязвимы и подвергаются повышенному риску виктимизации. Многие из них раскрывают факты о виктимизации и травмах, пережитых дома, во время транзита и даже позже в месте их прибытия. В дополнение к конкретным рискам, связанным с их статусом мигрантов, они также сталкиваются с тем же риском, что и любые другие граждане, становясь жертвами обычных преступлений.

В свете множества угроз, которым подвергаются все мигранты, необходимо поставить вопрос о том, получают ли они достаточную защиту в соответствии с международным правом. На сегодняшний день существуют значительные различия в международной политике в отношении жертв, о чем свидетельствуют различные стандарты поддержки и защиты жертв, предусмотренные Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми¹, с одной стороны, и Протоколом против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху² – с другой. Первый протокол о торговле людьми уделяет большее внимание защите жертв и их последующей поддержке в стране, в которую они прибыли. Второй протокол о контрабанде мигрантов главным образом раскрывает инструменты криминализации, несмотря на то, что он содержит несколько положений, касающихся некоторых виктимологических аспектов, в частности в ст. 5, которая предусматривает, что мигранты не подлежат уголовному преследованию за факт незаконного ввоза.

Это очевидное различие между двумя группами жертв, безусловно, способствует общественному восприятию того, что мигранты являются преступниками. В более общем смысле они не соответствуют общему стереотипу идеальной жертвы. В отличие от жертв торговли людьми, которые пользуются привилегированным статусом защиты, «обычные» мигранты могут в лучшем случае пользоваться общими стандартами помощи жертвам и защиты жертв, действующими в пункте их прибытия, по крайней мере, в тех юрисдикциях, где доступ к защите не был закрыт для тех, кто ранее имел пробле-

¹ Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Организации Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/55/25>.

² Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Организации Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/55/25>.

мы с законом в своей стране. В противном случае может случиться так, что законному статусу жертвы мигрантов будет отказано только за то, что он незаконно пересек государственную границу. Это противоречит одному из основных принципов справедливости для потерпевших, согласно которому одни и те же права потерпевших применяются ко всем без каких-либо различий (п. 4 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи 29.11.1985 г.).¹

Таким образом, проблема заключается в том, что вряд ли можно оправдать политически мотивированное разделение на две группы жертв преступных деяний (торговли людьми и незаконного ввоза мигрантов) с целью двух различных стандартов защиты, особенно в свете огромных рисков виктимизации, которым подвергаются все мигранты. Проблематика международно-правовой защиты прав человека сопрягается с регулированием миграции в осуществлении людьми права на свободу передвижения, в запрете высылки (*non-refoulement*), дискриминации, а также в реализации права на обжалование решений и воссоединение семьи. Процессы обостряют проблемы со здоровьем, вызывая тяжелые стрессовые ситуации, влекут за собой часто бездомность, безработицу, бедность, состояние безысходности, что подчас приводит к суициду. Необходимо совершенствовать законодательство в отношении мигрантов, оказывать им психосоциальную и психологическую поддержку с целью минимизации негативных последствий, связанных с совершенными по отношению к ним преступлениями или актами дискриминации.

Литература

1. Варчук Т.В. Виктимологическое моделирование в криминологии и практике предупреждения преступности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 239 с.
2. Гаптелганиев Р.Г. Виктимизация – как процесс реализации криминальной виктимности // Российский следователь. 2010. № 23. С. 19–22.
3. Косарев М.Н. Тенденции современной преступности // Виктимология. 2020. № 3(25). С. 8–11.
4. Папкин А.И. Современная криминальная виктимология. Домодедово: ВИПК МВД России, 2006. 157 с.
5. Шнайдер Г.Й. Криминология / пер. с нем. Ю.А. Неподаева. М.: Прогресс-Универс, 1994. 502 с.
6. Фоминых Е.С. Современные контексты социализации и виктимизации личности // Виктимология. 2019. № 2 (20). С. 10-14.
7. Шалагин А.Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика // Уголовное право и криминология. 2017. № 1. С. 65.

КУЗЬМИН ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kya70@mail.ru).

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью: принята в г. Нью-Йорке 29.11.1985 Резолюцией 40/34 на 96-м пленарном заседании 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Организации Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/42/34>.

Yuriy A. KUZMIN

MIGRANTS AS POTENTIAL VICTIMS OF CRIME: VICTIMOLOGICAL ASPECT

Key words: *crime, criminality, victimization, migrants, human trafficking, smuggling.*

The problem of preventing crime against migrants is updated. The urgency of issues related to preventing crimes against migrants as the main factor of criminality prevention in general is substantiated.

The relevance of the topic is caused by the fact that in modern conditions, the attitude to migrants in accordance with the norms of international law is equally ambivalent. Migrants are exposed to numerous risks of victimization, and many of them suffer from victimization – sometimes repeatedly, and sometimes even systematically. Such risks of victimization can be classified together with their individual background of emigration and immigration. The two main types of criminal behaviour that is of interest to criminal policy – human trafficking and human smuggling – are addressed in the two Amendment Protocols to the UN Convention against Transnational Organized Crime (Palermo Convention): the Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children and the Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air. In the latter document, migrants are perceived as offenders, not as victims, especially in legal treatment of smuggling. This is justified by the fact that migrants represent a demand for smuggling services, and this demand is considered the main incentive for this branch of organized crime, including transnational one.

However, current legal situation – both the international legal framework and the legal provisions applied in the main jurisdictions – does not reflect the victimological reality of migration. The distinction between human trafficking and people smuggling (trafficking) creates a significant gap in the treatment of victims. The same is true of public, political and academic discussions that tend to ignore the reality of migration, which is characterized by the fact that not only victims of trafficking, but migrants in general, are clearly vulnerable and are at multiple risks of victimization.

The problem of preventing crime against migrants is that it is hardly possible to justify a politically motivated dividing victims of criminal acts into two groups (trafficking in persons and smuggling of migrants) in order to achieve two different standards of protection, especially in light of the enormous risks of victimization to which all migrants are exposed.

References

1. Varchuk T.V. *Viktimologicheskoe modelirovanie v kriminologii i praktike predupre-zhdeniya prestupnosti* [Victimological modelling in criminology and crime prevention]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2012. 239 p.
2. Gaptelganiev R.G. *Viktimizaciya – kak process realizatsii kriminal'noi viktimnosti* [Victimization as a process of implementing criminal victimization]. *Rossiiskii sledovatel'*, 2010, no. 23, pp. 19–22.
3. Kosarev M.N. *Tendentsii sovremennoi prestupnosti* [Modern crime trends]. *Viktimologiya*, 2020, no. 3(25), pp. 8–11.
4. Papkin A.I. *Sovremennaya kriminal'naya viktimologiya* [Modern criminal victimology]. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2006. 157 p.
5. Schneider H.J. *Kriminologie*. Berlin, de Gruyter, 1987, 969 S. (Russ. ed.: *Kriminologiya*. Moscow, Progress-Univers Publ., 1994, 502 p.).
6. Fominykh E.S. *Sovremennye konteksty socializacii i viktimizacii lichnosti* [Modern contexts of socialization and victimization of the individual]. *Viktimologiya*, 2019, no. 2(20), pp. 10–14.
7. Shalagin A.E. *Kriminal'naya viktimologiya: ponyatie, sodержanie, profilaktika* [Criminal victimology: concept, content, prevention]. *Ugolovnoe pravo i kriminologiya*. 2017. no. 1. p. 65.

YURIY A. KUZMIN – Senior Lecturer of Criminal Law Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (kya70@mail.ru).

Формат цитирования: Кузьмин Ю.А. Мигранты как потенциальные жертвы преступлений: виктимологический аспект [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* – 2021. – № 1. – С. 52–59. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/1/6>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-1-52-59.